

1

Роуэн Фокс стояла у школьных ворот и оглядывала двор, куда в предвкушении начала летних каникул высыпали с шумом и толкотней ученики. Светлых волос Фабиана в толпе заметно не было. Роуэн с досадой зашагала в кондитерскую через дорогу и, позвякивая монетами, оставшимися от обеда, купила два шоколадных батончика. Когда она вышла, толпа уже почти растворилась, только несколько человек тоже заскочили в кондитерскую. Неподалеку зазвучала гитара.

Фабиан по-прежнему не появлялся. Может, почему-то не стал ждать и отправился на автобусную остановку? Засунув один шоколадный батончик в сумку, Роуэн уже пошла дальше, но тут увидела гитаристку.

Девушка сидела, скрестив ноги, на крыльце закрытого магазина через пару домов от кондитерской, прислонившись к двери и перебирая пальцами струны. Ее растрепанные светлые

волосы определенно нуждались в мытье. Рядом у свернутого грязного спальника стоял потрепанный рюкзак.

Поравнявшись с ней, Роуэн остановилась у лежащего на тротуаре открытого гитарного футляра с несколькими жалкими монетами. Она вытащила из кармана оставшиеся пенни и добавила их к этой скудной кучке. Затем взглянула на шоколадный батончик, который так и держала в руке, тоже бросила в футляр и пошла дальше.

— Спасибо, — произнесла девушка.

Роуэн обернулась. Девушка перестала играть и смотрела на нее.

— Я уже начала думать, что я невидимка. Ты первая за весь день, кто дал мне что-то.

Роуэн перевела взгляд на монеты, лежавшие в футляре.

— Это мои, — сказала девушка. — Я просто положила их туда, чтобы... ну, неважно.

Роуэн подошла и поставила свою школьную сумку на землю.

— Ты положила в футляр монеты, чтобы создать впечатление, что тебя не игнорируют, — продолжила она.

— Верно. — Девушка рассмеялась и прислонила гитару к двери магазина. Потянувшись за шоколадкой, сорвала обертку, откусила большой кусок и закрыла глаза от удовольствия.

— Не самое удачное место, — вздохнула она, жуя батончик. — Не думаю, что останусь здесь.

— Да, наверное, не стоит. — Роуэн глядела с сочувствием. Трудно было определить возраст, вроде ненамного старше ее самой — лет шестнадцать, пожалуй. — Лучше бы где людей побольше. Пооживленной.

— Звучит так, будто у тебя есть опыт. — Девушка слизнула шоколад с пальцев и перевела взгляд на Роуэн.

— Так и есть, — пробормотала та. — Потому я и остановилась... — Она помолчала. — Я провела на улице больше года. Знаю, каково это.

— Правда? Что случилось с тобой?

— Родители погибли в автокатастрофе, а меня и младшего брата отправили в детский дом. Но мой брат... он пропал. И я сбежала, чтобы его искать.

— Нашла?

Роуэн заколебалась, прежде чем осторожно ответить:

— Нет, мне не удалось.

— А дальше что?

Роуэн пожала плечами:

— Мне повезло. Я встретила людей, которые... стали заботиться обо мне. Теперь я живу с ними.

— Да, повезло, — повторила девушка, с завистью рассматривая аккуратную школьную форму Роуэн. — Похоже, у тебя теперь все в порядке.

— А что ты вообще здесь делаешь? — спросила Роуэн. — Тики-Энд — неподходящее место, если не хочешь вызвать ненужный интерес. Пусть

люди тут и делают вид, что в упор тебя не замечают, но на самом деле ничего не упустят.

— Я уйду еще до вечера, — тихо ответила девушка. — Я не планировала оставаться надолго. — Она наклонилась вперед и еще понизила голос. — Только на то время, чтобы передать сообщение, когда найду нужного человека.

— Сообщение? Кому?

— Тебе, Рыжая.

У Роуэн перехватило дыхание.

— Что ты сказала?

— Рыжая. Так ты называла себя раньше, верно?

Роуэн сжала в руках сумку:

— Кто ты? Какое у тебя сообщение? От кого?

— От Ковена.

Роуэн сделала пару шагов:

— Оставьте меня в покое.

— Постой!

Роуэн обернулась:

— Кто послал тебя?

— Воробей. — Голос девушки звучал совсем тихо.

— Почему он не пришел с сообщением сам, если знает, где меня найти?

— Сказал, что его ты не слушаешь. Что у меня больше шансов... привлечь твоё внимание, заставить тебя слушать...

— Он был неправ.

— Просто выслушай меня. Это все, чего он хотел.

— А тебе-то какая выгода?

Девушка покраснела.

— Ну конечно. Ты ведь совсем не бездомная, правда? Ты одна из них.

Девушка кивнула:

— Он был уверен, что ты остановишься поговорить со мной, и не ошибся. Но мне все равно надо было убедиться... и вот, когда ты упомянула своего брата...

— Просто передай сообщение.

— Скоро встреча, тринадцатого числа.

— Я знаю, — ответила Роуэн. — Встреча всегда тринадцатого.

— Они хотят, чтобы ты была там на этот раз. Без всяких отговорок.

Роуэн кивнула, не глядя.

— Он сказал, тебе дадут знать о месте встречи, но для этого ты должна впустить их. Это и есть сообщение. — Девушка опустила взгляд на обертку от шоколадного батончика, оставшуюся в руке.

— А если я не приду?

Девушка уже открыла рот, чтобы ответить, но вдруг устремила глаза куда-то дальше. Роуэн повернулась. К ним приближался Фабиан. С недовольным лицом он остановился рядом, ослабляя галстук и бормоча что-то под нос.

— Где ты был? — спросила Роуэн.

— Наказали, — буркнул он.

— За что?

Фабиан пнул носком ботинка камешек:

- За драку.
- Драку? С кем?

Прежде чем Фабиан откликнулся, Роуэн заметила, что девушка собирает вещи. Встала, закинула ремень чехла с гитарой на одно плечо, перебросила спальный мешок и рюкзак через другое и тихо попрощалась:

- Увидимся, Рыжая.
- С мальчишками из моего класса, — рассеянно сказал Фабиан, хмуро глядя вслед девушке. — Кто это?
- Никто. Просто бродяжка. Я дала ей немного мелочи.

Фабиан нахмурился еще сильнее:

- Ты не знаешь ее?
- Нет.
- Ну, она-то тебя знает, — с подозрением проговорил Фабиан. — Назвала тебя Рыжей. Тебя больше никто не называет так, с тех пор как ты живешь с нами.

Роуэн смотрела, как девушка удаляется: ее фигура становилась все меньше и меньше, пока наконец не скрылась за углом одной из многочисленных кривых улочек Тики-Энда.

- Я говорила с ней раз или два раньше, когда сама бродяжничала, — солгала она, мысленно напоминая себе, что не стоит недооценивать наблюдательность Фабиана. — Давным-давно. Даже имени ее не помню — удивляюсь, что она запомнила мое.

— А, — Фабиан потер щеку. — Забавно, что она оказалась именно здесь.

— Совпадение. — Они наконец пошли, и Роуэн хотелось сменить тему. — Так из-за чего была драка? Наверное, ты одержал верх — ни царапин, ни синяков не видно.

— Все закончилось, не успев начаться. А началось по той же причине, что и всегда, — они говорили гнусности об Амосе. Сказали... сказали, что пойдут на церковное кладбище, чтобы осквернить его могилу. Один из них сказал, что напишет что-нибудь на надгробии. Я вышел из себя и двинул ему.

— Понятно, что ты вышел из себя, — сказала Роуэн. — Но они ничего не сделают, Фабиан. Если бы действительно собирались, ты был бы последним, кому бы они признались в этом. Они только говорят, чтобы причинить тебе боль.

— Ну, это сработало. Почему бы им уже просто не оставить его в покое? Даже теперь, когда он умер, не могут от него отвязаться!

Роуэн вздохнула:

— Надо игнорировать их. Чем чаще станешь попадаться на их крючок, тем сильнее они будут к тебе цепляться.

— Тебе легко говорить, — не успокаивался Фабиан. — Тебе не приходится мириться с шепотом за спиной, и никто не тычет пальцем в твою сторону. Как бы тебе понравилось, если бы все думали, что твой дед кого-то убил?

Роуэн замолчала, размышляя о мрачной истории поместья Элвесден, старого дома, где она теперь жила. Когда в молодости дед Фабиана Амос был смотрителем поместья, в лесу исчезла местная девушка по имени Морвенна Блум. К несчастью, Амоса последнего видели с ней — и его сочли причастным к исчезновению Морвенны. Эти слухи преследовали его всю жизнь и, похоже, не затихли даже сейчас, после его смерти, случившейся два месяца назад.

— Конечно бы не понравилось, — отозвалась наконец Роуэн. — Но я бы выдержала, зная, что это неправда. И ты знаешь это, Фабиан. И люди, которые тебе важны, знают, что Амос невиновен. Помни об этом. — Она сунула руку в сумку. — Вот. Я купила тебе батончик. Правда, шоколад уже немного размяк.

— Спасибо. — Фабиан слегка приободрился, взял батончик и жевал, пока они шли через городскую площадь к автобусной остановке.

— И, между прочим, я вполне понимаю, каково это, когда шепчутся и показывают пальцем, — продолжила Роуэн. — Я ведь новенькая, не забыл? И всем известно, что я сейчас живу в поместье Элвесден. Так что большинство думает, что я тоже имею ко всему отношение, пусть и косвенно.

— Наверное, — пробормотал Фабиан сквозь шоколад. — И как ты реагируешь?

— Ничего не говорю. Просто представляю себе их лица, если бы они услышали правду. Что

Морвенна Блум добровольно ушла в царство фейри. Только представь, что бы они заявили.

— Решили бы, что мы еще более сумасшедшие, чем все считали раньше, — мрачно заключил Фабиан, запихивая в рот остатки тающего батончика, но у остановки лицо его уже прояснилось.

Они устроились на заднем сиденье, автобус тронулся с места, прогрехотал по улицам Тики-Энда и поехал дальше, по сельским дорогам Эссекса. Через пятнадцать минут Роуэн и Фабиан выбрались из автобуса и пошли мимо полей, местами все еще заболоченных после сильного половодья конца зимы — начала весны.

Вскоре они уже входили в огромные железные ворота, под пристальным взглядом двух свирепых каменных гаргулий, восседающих на столбах по обе стороны. Впереди, за посыпанным гравием двором, высился внушительный особняк, увитый плющом, — поместье Элвесден. Пока они шли по похрустывающему гравияу, Роуэн смотрела на дом.

— Никак не могу поверить, что действительно здесь живу.

— Ты говоришь это каждый раз, когда мы здесь идем, — заметил Фабиан.

— Потому что так я каждый раз и думаю.

Войдя в парадную дверь, Роуэн глубоко вдохнула. В коридоре было темно и пахло затхлостью — запах, который никогда не покидал эти стены полностью, как бы хорошо тут ни убирали.

Они миновали старинную лестницу, где на площадке стояли дедушкины часы, стрелки которых застыли на месте. Из недр часов Роуэн были слышны шум ссоры и возня их обитателей, с этажа выше доносился монотонный звук пылесоса.

На кухне их встретил пронзительный визг:

— Дерзкий выскочка! Отрубить ему голову!

Роуэн вздрогнула, а Фабиан свирепо зыркнул на источник вопля: серый попугай со сверкающими желтыми глазами сидел в высокой серебряной клетке.

— И вам доброго дня, Генерал Карвер, — съязвил Фабиан.

Птица злобно прищурилась, но тут же вздрогнула: открылась задняя дверь, и вошел отец Фабиана, Уорик.

— Ну что, всё? Каникулы? — Он закрыл дверь и стал наполнять чайник водой. Поставил кипятиться, снял свое длинное пальто и повесил на вешалку за дверью. Железный нож, прикрепленный к поясу, тихо стукнул о дерево.

Фабиан ухмыльнулся и кивнул:

— Никакой школы целых шесть недель!

— Только не начинайте препираться друг с другом, если скучно станет.

Фабиан фыркнул:

— Не станет. Ну а если вдруг все-таки станет — почему бы тебе не взять нас с собой в лес? Там уж точно никогда не соскучишься!

В ответ на это предложение Уорик приподнял бровь и уже собирался ответить, но остановился: в кухню вошла худощавая седая женщина лет шестидесяти пяти, а следом другая, чуть помоложе, плотно сбитая и с одышкой.

— Я говорю, Флоренс, — сопела полная, — у этой девушки проблемы вот тут. — Она постучала пальцем по голове. — Мне страшно подумать, в каком состоянии ее комната. Молодняку нельзя давать ключи от их дверей, это просто не... — Она прервалась, увидев Роуэн, и поскребла копну неухоженных каштановых волос.

— Вы знаете, почему я запираю свою дверь, — тихо произнесла Роуэн.

— Мы уже обсуждали это, Нелл, — холодно сказала Флоренс. Но взгляд ее серых глаз, когда она посмотрела на Роуэн, был добрым. — Пока в комнате порядок, Роуэн может запирать ее когда хочет.

— Все равно, — не уступала Нелл. — Я уже несколько недель не могу попасть туда и убрать. Там наверняка чертовский свинарник!

— Сколько еще раз мне повторять? — Роуэн не скрывала раздражения. — Комната чистая! И если бы вы все не перемещали, мне бы не пришлось запирать дверь! Неужели не понимаете? Все должно быть там, где есть... я не просто оставляю это именно так!

— Ну, если ты настаиваешь... — обиженно начала Нелл.

— Настаиваю, — отрезала Роуэн. — И если Флоренс не возражает, то я не понимаю, почему вы вмешиваетесь, — это ее дом.

Развернувшись, Роуэн вышла из кухни, где воцарилось молчание, и взбежала по лестнице. Никто не последовал за ней, даже Фабиан. Она была рада. Остановилась перед своей комнатой — ее дыхание срывалось на сердитое шипение, — достала из сумки старый ключ, вставила в замок, открыла дверь и, зайдя, бросила сумку в угол. Затем села за туалетный столик и уставилась в зеркало.

Отражение смотрело на нее в ответ: раскосые зеленые глаза на бледном заостренном лице, усеянном веснушками. Когда она только поселилась в поместье, волосы были длиной до подбородка. Теперь, пять месяцев спустя, густая волна доходила почти до плеч. Она потрогала темно-рыжую прядь.

Рыжая. Так тебя называли раньше, верно?

— Рыжая, — прошептала она сама себе, оглядывая комнату.

Она не соврала, сказав Нелл, что здесь чисто. Комната была в идеальном порядке, все на своем месте. Столько времени она провела на улице, ночуя где попало и не имея своего угла, что теперь к собственной теплой и безопасной комнате не могла еще относиться легко — как к должному.

Да. К безопасной.

Это была красивая комната. Стены выкрашены в малиновый цвет, от которого становилось тепло и уютно, а потертая мебель выглядела такой простой, привычной и удобной, что Роуэн казалось, будто она живет здесь много лет. На первый взгляд, если не считать прибранности, такой и должна быть спальня обычной пятнадцатилетней девочки.

Но Роуэн не была обычной пятнадцатилетней девочкой. Она встала из-за туалетного столика и провела тот же ритуальный осмотр, что и каждый раз, когда входила в комнату. Опустилась у двери на корточки и откинула ветхий ковер. По половицам от одной стороны двери до другой тянулась тонкая полоска белых зернистых крупинок.

Удовлетворенная, она вернула ковер на место и проверила подоконник. Вдоль карниза тоже была насыпана ровная белая полоса. Прижав к ней палец, Роуэн подняла руку и позволила крупинке упасть на язык. Жгучий вкус удостоверял, что это соль.

Затем она обследовала камин, где под отверстием дымохода висел венок из темно-зеленых листьев и сухих красновато-коричневых ягод, закрывающий еще один потенциальный вход в комнату.

Подошла к кровати и сунула пальцы под подушку. Холод ножа, лежащего там, успокоил ее, и она наконец позволила себе расслабиться.

Встреча с девушкой в Тики-Энде вывела ее из равновесия. Вернувшись к окну, она посмотрела в сторону Леса Висельника, который начинался за стенами сада. Но сейчас Роуэн не видела ни деревьев, ни ручья, протекавшего по опушке леса. Не видела она и маленькую церковь, стоящую вдалеке. Вместо этого перед ее мысленным взором возник холодный, сырой подвал каменного дома, железные кандалы на обожженных запястьях. В голове вертелись яростные слова: «Ты еще пожалеешь, девчонка... Я выберусь отсюда, разыщу тебя и заставлю за все заплатить...»

От внезапного стука в окно Роуэн вздрогнула. Стряхнув воспоминания, щурясь от солнца, она уставилась прямо перед собой. Снаружи, на карнизе, сидело и царапалось в стекло маленькое крылатое существо. Размером примерно с птицу, с первого взгляда даже можно спутать, к тому же одетое в перья и листья. Однако это была не птица, а крошечный человечек с резкими чертами лица. И в зубах зажато что-то квадратное, белое. Роуэн бесстрастно наблюдала за ним. Окно оставалось приоткрытым, чтобы комната проветривалась, и щель была вполне достаточная, чтобы существо могло протиснуться, но, даже если бы попыталось, она знала: ему не преодолеть соляной барьер. Соль отпугивала фейри, как и все остальные средства защиты, которыми она оснастила комнату.

Когда посланец перестал царапаться и, как всегда, явно собирался сдаться, Роуэн смилости-

вилась и убрала немного соли, разорвав барьер. Фейри удивленно моргнул, но быстро юркнул в окно и, разжав зубы, выронил то, что держал во рту, на пол.

— Давно пора! — проворчал он гнусавым голосом, затем взлетел и исчез, оставив Роуэн спешно поправлять соль и вновь сооружать из нее непрерывную заградительную линию.

Наклонившись, она подняла то, что уронил фейри. Это был простой конверт с одним единственным напечатанным вместо адреса словом: «РЫЖЕЙ». Имя, которое она так долго носила. Имя, о котором пыталась забыть.

Ей надоело притворяться. Надоело прятаться. Проведя ногтем по конверту, она вскрыла его.

Пришло время встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

2

Таня приехала в поместье Элвесден через неделю. Когда вслед за Уориком она переступила порог, ее охватило волнение: она снова здесь, в старом доме бабушки.

— Оберон, не тяни, — велела Таня большому коричневому доберману, который рвался вперед. Стоило ей отцепить поводок от ошейника, как пес бросился вглубь дома, виляя хвостом и цокая когтями по полу.

— Я отнесу вещи в комнату позже, — сказал Уорик, оставив чемодан Тани у лестницы. — Мы как раз успели к обеду.

Они пошли на кухню. Там Танина бабушка и Нелл накладывали на тарелки толстые бутерброды, крутые яйца и салат, на других были разложены нарезанные фрукты. Лицо Флоренс расплылось в улыбке, и, поспешно вытерев руки о фартук, она обняла Таню, а затем отступила на шаг, чтобы взглянуть на нее:

— Только посмотрите! Уже загорелая, да еще и веснушки!

— Привет, дорогая. — Нелл сияла. — Как было в Девоне?

— Хорошо, — ответила Таня, отпихивая Оберона от подноса с бутербродами. — Мы вернулись вчера вечером. Мама говорила, надо хотя бы день еще отдохнуть, перед тем как ехать, но я хотела попасть сюда как можно скорее. Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я в последний раз тут была. Ну, то есть нормально была.

Наступило неловкое молчание. Последний раз Таня с матерью приезжали в поместье всего восемь недель назад, когда хоронили Амоса.

— Белиберда! — объявил Генерал Карвер из своей клетки, явно подражая голосу Нелл. Затем цокнул и принялся чистить перья.

— Садитесь, — сказала Флоренс, не обращая внимания на попугая. — Фабиан и Роуэн должны появиться с минуты на минуту.

— А где они? — Таня потянулась за тарелкой в тот самый миг, когда крышка чайной коробки начала приподниматься. Живущий там вздорный брауни прищурился, а затем протянул вперед свою тросточку. Подцепил ею кусок помидора и снова скрылся под чайными пакетиками.

— На дворе, помогают Роуз с животными. — Флоренс как будто не заметила выходку брауни, хотя Таня не сомневалась, что она наверняка все видела. Как и Таня, бабушка обладала вторым зрением. Из домашних только они и Роуэн

были способны видеть фейри, хотя об их существовании знали здесь и все остальные.

— Ты ведь еще не ходила к животным, верно? — продолжила Флоренс. — Роуз сотворила чудеса со старым двором — тебе надо пойти и посмотреть, как поешь. О, а вот, похоже, как раз и Роуэн с Фабианом.

— Она здесь! — послышался из коридора взволнованный возглас Фабиана. — Смотри, вот ее сумка!

С улыбкой — рот до ушей — он ворвался на кухню. За ним вошли Роуэн и женщина с такими же, как у Роуэн, темно-рыжими волосами. Они направились к раковине, а Фабиан пододвинул стул к Тане и уселся. К его рубашке прилипло светло-коричневое перо.

— Минутку, Фабиан, — вмешалась Флоренс. — Твои руки.

Фабиан выглядел озадаченным:

— А что с ними?

— Сам знаешь что. Ты все утро был по локоть в курином помете. Вымой их.

— Чертов вредитель! — согласился Генерал.

Нелл захихикала, взяла ломтик яблока, просунула сквозь прутья клетки и негромко заворковала, когда попугай сцапал угощение своей чешуйчатой лапой и принялся клевать.

— Ладно. — Фабиан встал и подошел к раковине, кивнув на блюдо с крапчатыми крутыми яйцами на столе. — Съешь одно, Таня. Сам утром собирал!

Таня взяла яйцо. Роуэн села напротив и стала накладывать ей на тарелку бутерброды.

— Как твоя поездка? Ты побывала в том старом доме, о котором рассказывала?

— Что за дом? — Фабиан вернулся за стол.

— Поместье Чемберкомб, — ответила Таня. — Похоже на Элвесден, только даже вполовину не такое большое. Мама хотела поехать туда с тех пор, как прочитала про него в книге рассказов о привидениях: считают, что там водятся призраки.

— Я слышал о нем, — сказал Фабиан. — Когда там снесли стену, обнаружили потайную комнату со скелетом на кровати! И с тех пор там водятся призраки!

— И там тоже есть секретный ход, — продолжила Таня. Через него контрабандисты доставляли свои товары с берега, но сейчас его совсем завалило.

— Ха, — фыркнул Фабиан, — готов поспорить, что их туннель в подметки нашим не годится!

— То есть тем, о которых никто из вас не должен знать, не говоря о том, чтобы туда соваться, — мрачно добавил Уорик.

Таня украдкой посмотрела на него. Он выглядел получше, чем в прошлый раз. Тогда глаза у него были красными, а лицо осунувшимся, с запавшими щеками. Уорик принес утром завтрак своему отцу и нашел его мертвым. После долгих лет медленного погружения в безумие последние месяцы жизни старика, когда удалось

совсем изгнать воспоминания о Морвенне, были легкими. И наконец он мирно угас во сне.

— Да, но все-таки, — не сдавался Фабиан. — Один из наших туннелей ведет на кладбище, круче не придумаешь!

— Знаешь что, — Нелл не выдержала, ее пухлые плечи содрогнулись. — Ты ужасный мальчишка!

Фабиан самодовольно ухмыльнулся, как от комплимента, а Таня, глядя на него, размышляла, подходит ли сейчас ему слово «мальчишка». За последние месяцы Фабиан вырос, окреп и лишился своей обычной неуклюжести. Он не был теперь таким худым и бледным, как раньше, на щеках появился здоровый румянец, потому что много времени он проводил на свежем воздухе.

— Как дела в школе? — тихо спросила Таня у Роуэн. — Судя по нашему телефонному разговору, ты осваиваешься.

Роуэн откусила от бутерброда, ловко отправив остаток под скатерть, где Оберон уже поджидал с открытой пастью.

— Все в порядке, интерес ко мне поутих. Хуже всего, когда ты на новенького. Главное сейчас — попытаться наверстать пропущенное по разным предметам. — Она поморщилась. — Роуз хочет заплатить репетитору, чтобы давал мне дополнительные уроки. Пока удалось ее убедить, что я справляюсь сама.

— А как у вас с ней? — Таня еще больше понизила голос.

Перед тем как ответить, Роуэн покосилась на Роуз, которая беседовала с Флоренс, не обращая внимания на девочек.

— Странно. Мы ладим, но ведь так было всегда. Иногда я на мгновение полностью забываюсь, и все будто как раньше. Роуз — просто моя чудаковатая тетя, помешанная на животных. А потом она смотрит на меня, и я вспоминаю...

Роуэн замолчала, потому что беседа за столом прервалась.

— Поговорим позже, — пробормотала она.

Таня молча доедала бутерброды. Она догадывалась, что та собиралась сказать. До недавнего времени Роуэн верила, что Роуз — ее тетя. На самом же деле — их сходство бросалось в глаза! — Роуз была ее матерью. В детстве от Роуэн это скрывали, и она росла, убежденная, что тетя и дядя — ее родители. Когда они погибли в автомобильной катастрофе, Роуэн временно поместили в детский дом вместе с Джеймсом, которого она всегда считала родным братом, но который, как выяснилось, был двоюродным.

Пока они жили в детском доме, Джеймса украли феири, и Роуэн сбежала, чтобы искать его. Тогда она и взяла себе имя «Рыжая». О первом времени ее бездомной жизни Таня с Фабианом знали немного, но им было известно, что она стала участвовать в обмене: похищенных человеческих детей возвращали в семьи,

отдавая назад подброшенных на их место фейри. Роуэн надеялась, что однажды таким образом сумеет вернуть своего брата.

Совершенно случайно Таня обнаружила ее в потайных туннелях под поместьем Элвесден, где она скрывалась вместе с подменышем. С тех пор Таня и Фабиан помогали ей в поисках Джеймса, но, когда он нашелся, была раскрыта правда о происхождении Роуэн: оказалось, что ее настоящая мать — Роуз, а отец — фейри.

Теперь в поместье Элвесден Роуэн не только выстраивала заново свою жизнь, но и строила отношения с матерью.

После обеда Таня помогала бабушке убирать и болтала с ней о школе и каникулах. Пока они возились на кухне, робкая фея очага перебежала со стола, где поддерживала чайник теплым, в свой любимый уголок за ведром для угля.

Закончив, Таня вышла через заднюю дверь во двор. Оберон следовал за ней по пятам, регулярно тыкаясь носом в пятки. Выгороженный за кустами диких роз участок был расчищен от сорняков. За заборчиком разместились небольшие загоны и курятник. К столбу забора была привязана старая коза с одним рогом.

В загоне Роуз кормила теленка из бутылочки. Таня заглянула за забор.

— Что с ним случилось? — тихо спросила она, стараясь не потревожить теленка.

— Осиротел, — пробормотала Роуз. — Не хочешь зайти?

Таня прошла через калитку и аккуратно заперла ее за собой. Оберона она оставила снаружи. Тот подскочил к забору и наблюдал за ней, положив нос на большие лапы. Чуть дальше Роуэн склонилась над вольером, где сидел маленький красновато-бурый лисенок с перебинтованной лапкой.

— А что с ним? — спросила Таня.

— Браконьерский капкан, — ответила Роуэн. — К счастью, ничего не сломано, но в рану попала инфекция. Роуз говорит, заживет примерно через неделю. С ним нельзя проводить много времени, приручать. Надо, чтобы оставался диким, когда мы его выпустим.

— А он не вернется за цыплятами, когда поправится? — Таня бросила взгляд на курятник, где Фабиан разбрасывал корм.

— Не вернется. Роуз нашла его в Кнуке, когда выгуливала собак в поле. Мы выпустим его там. Это очень далеко — он не найдет дорогу сюда.

Таня кивнула.

— А как устроилось с этим местом? То есть на какие деньги? И коттедж в Кнуке у Роуз остается?

— Остается, — тихо сказала Роуз, подходя сзади. Теленок трусил рядом с ней. — Как я могу иначе — ведь у него такая история. Только подумать: Элизабет Элвесден, хозяйка этого самого поместья, жила там задолго до меня. словно связь между нами всеми была predetermined.

Роуз слегка тряхнула головой, будто освобождаясь от раздумий:

— Приют для животных — хорошее начало. У меня уже есть предложения о спонсорской помощи для оплаты лечения, а Флоренс и Нелл подали несколько идей по сбору средств на содержание этого места. — Ее зеленые глаза заблистали, она улыбнулась Тане. — Твоя бабушка и Уорик были очень добры и предложили мне использовать землю для этих целей. Мой домик совсем маленький, а животных, которым нужна помощь, очень много.

Таня пожала плечами:

— Конечно. Большая часть земли, да и самого дома, все равно ни для чего не используется. По-моему, очень разумно. Здесь хорошее место для животных. Вы привезете сюда своих собак? А еще Роуэн говорила, что у вас есть гуси.

Роуз покачала головой:

— Нет. Собаки там прижились, им хватает места. Вот с крупными животными были проблемы. А гуси — боже мой, нет! Они станут донимать остальную живность — пусть лучше останутся в саду коттеджа.

— И на том спасибо, — буркнула Роуэн.

— Ты же знаешь... ты всегда можешь приехать в коттедж, — быстро обернулась к ней Роуз. — Навестить меня или даже переночевать. Там совершенно безопасно... всюду защита...

— Знаю, — ответила Роуэн неловко. — Я подумаю об этом.

Роуз принужденно улыбнулась:

— Тогда до завтра.

И ушла.

Спустя несколько минут лендровер, громыхая, выехал из ворот — Уорик отвозил Роуз домой.

— Дай ей шанс. — Таня наблюдала, как Роуэн закрывает вольер с лисом. — Она ведь старается.

Роуэн пожала плечами:

— Я знаю. И я тоже. Но это ведь всегда не просто, да?

— Наверное, — согласилась Таня.

Они вышли с огороженного участка, и Фабиан, который занимался курами, наконец присоединился к ним.

День сменился вечером. Выгуляв Оберона у ручья, граничащего с Лесом Висельника, Таня отправилась к себе в спальню разбирать вещи. В ванной, которую она делила с Роуэн, ее внимание привлекло бульканье из раковины. Таня заглянула в темную дырку слива: оттуда на нее таращились два выпуклых глаза. Осенью там поселился обитатель стоков. Это было склизкое, смахивавшее на амфибию существо, которое обожало все блестящее и своей вороватостью напоминало сороку.

Однако оно было не первым в своем роде, до его появления в ванной жил другой обитатель стоков. Ему приглянулся старинный серебряный браслет с подвесками, подаренный Тане бабушкой. Одержимость браслетом привела

к тому, что в конце концов он погиб, став жертвой кота Вулкана.

Вскоре после этого Таня узнала, что подвески на браслете символизируют Тринадцать Соколовиц Дворов фейри. А еще — почему она обладает вторым зрением. Это свойство передавалось в ее роду от Элизабет Элвесден, первой леди поместья, которая была подменным фейри.

Через вторую дверь в ванную вошла Роуэн.

— О, прости. Я не знала, что ты здесь. Нам обоим нужно не забывать запира́ть дверь, когда идем в ванную.

— Все в порядке, — ответила Таня. — Я просто распаковываю вещи. Но если подумать, лучше не буду вынимать зубную щетку из косметички — не хочу, чтобы по ней ползал склизкий обитатель стоков.

— Это умно, — одобрила Роуэн. — Следи заодно, чтобы не класть нигде никаких украшений — по словам Уорика, этот еще больший вору́га, чем первый. За зиму Уорику пришлось три раза раскручивать трубы, чтобы вернуть украденные вещи.

— Я запомню. — Таня заметила, как сузились поблескивавшие из стока глаза. Существо явно понимало, что речь о нем: рыгнув в ее сторону, оно шмыгнуло вглубь трубы и скрылось из виду, оставив после себя запах тухлых яиц.

Роуэн ушла к себе. Застегнув косметичку, Таня положила ее на бортик раковины и вернулась в спальню.

Со времени ее последнего приезда комната изменилась. Отслаивающиеся обои ободрали, вместо них стены выкрасили свежей кремовой краской, треснувшее стекло в зеркале туалетного столика было заменено. Стало гораздо уютнее. Новая картина над камином заняла место картины с изображением Эхо и Нарцисса, которую она сняла год назад после жестокой проделки фейри: те заставили ее повторять последние слова чужих фраз. Таня отбросила неприятное воспоминание. Теперь все было по-другому.

Быстро закончив разбирать вещи, она вышла в коридор и постучала в соседнюю дверь.

— Войдите, — отозвалась Роуэн.

Она сидела за туалетным столиком, а Фабиан, нахохлившись, читал на ее кровати. Когда Таня вошла, он поправил на носу очки.

— А, это ты, — удивилась Роуэн. — Ты могла просто пройти через ванную. Заходи поосторожнее — не сдвинь соль.

Таня присела рядом с Фабианом. Он закрыл толстенный том — что-то о фольклоре, — отложил его в сторону и спросил с горящими глазами:

— Ну, что ты думаешь?

— О чем?

— О реабилитационном центре для животных.

— Это здорово, — ответила Таня. — По-моему, хорошо, если люди узнают, что здесь такое есть. Может, тогда забудут все плохое, что произошло в поместье... Амос, Морвенна...

Фабиан кивнул:

— Знаешь, я помогал Уорику ставить забор. И покрасил курятник.

Слушая вполуха, Таня кивнула. Ее взгляд привлекли разные обереги, амулеты для отпугивания фейри, всякая всячина, расставленная, развешанная и разложенная повсюду по комнате Роуэн. Соль, засушенные ягоды и листья рябины, железная подкова на стене над кроватью... Фабиан рассказывал ей по телефону, но Таня не представляла, как это выглядит. Даже сейчас, когда она видела все своими глазами, не верилось. И не получалось пока привыкнуть к новой Роуэн — спокойной, аккуратно причесанной, опрятно одетой. Неужели это та самая бесстрашная незнакомка, которая еще несколько месяцев назад бродила по округе с одним лишь ножом и жалкой сумкой с пожитками? Это казалось невообразимым.

Таня подошла к окну — по подоконнику тоже тянулась непрерывная соляная дорожка — и посмотрела вдаль, где за садом начинался лес. Она перебирала в уме слова, ища, как бы помягче затронуть эту тему. Но только хотела открыть рот, как помешал Фабиан:

— В последнее время мы нечасто видели Безумную Мораг. Интересно, компас, который она тебе дала, еще работает?

— Не знаю. — Таня подумала о старой цыганке, которая помогала им. — Я пока не доставала его.

— Последний раз мы встретили ее в начале весны в Тики-Энде, да? — Фабиан взглянул на Роуэн, но та смотрела в пустоту, покусывая нижнюю губу.

— Да, Рыжая? — повторил Фабиан.

— Не называй меня так! — вскинулась Роуэн.

— Извини, — пробормотал Фабиан, озадаченный и заметно обиженный. — Я не хотел. Просто... старая привычка.

Ожесточенное лицо Роуэн смягчилось.

— Нет, это ты извини. Напрасно накинулась на тебя.

— В общем, — неловко продолжил Фабиан, — мы встретили ее в городе. Я поговорил с ней несколько минут. Надеялся, что она даст мне еще того зелья, которое помогает видеть фейри, но она сказала, что им нельзя пользоваться когда вздумается. — Он вздохнул. — Уорик тоже очень прижимист и своим не делится. Говорит, мне ни к чему.

— Уорик прав, — коротко сказала Роуэн. — Я делаю все, чтобы не впустить их, — она обвела жестом комнату, — а ты готов их поощрять, лишь бы увидеть!

Фабиан покраснел:

— Я не поощряю. Только хочу, чтобы была возможность видеть. — Он раскрыл книгу и снова склонился над ней, бормоча: — Сам найду способ. Здесь уйма идей.

Роуэн раздраженно вздохнула, и Таня решилась:

— Почему ты так осторожничаешь? Нужны ли вообще тебе все эти средства, чтобы не пускать фейри? Я имею в виду... мы ведь знаем про твое имя...

Роуэн не взглянула на нее.

— Дело не в необходимости. Я так хочу. И да, рябина защищает от вредоносной магии, а мне дали это имя*, но что, если этого недостаточно? — Она уселась на стул с ногами и обхватила колени.

— Не понимаю, — сказала Таня. — Как этого может быть недостаточно? Ты сталкивалась с самым худшим и победила, разве не так? Ты одолела фейри, когда они забрали Джеймса. Они отпустили тебя! Ты здесь, с нами. Ты в безопасности!

— Правда? — Роуэн наконец повернулась к ней. — Нелегко отпустить прошлое. Нелегко начать все с чистого листа, даже если хочешь этого больше всего на свете.

— Но ты уже это сделала. — Фабиан вновь отложил книгу.

Роуэн коротко рассмеялась.

— Некоторые вещи трудно оставить в прошлом. Я совершала плохие поступки. И не могу отделаться от ощущения, что расплата когда-нибудь меня настигнет.

От ее слов у Тани побежал мороз по коже.

* Роуэн (Rowan) — женское и мужское английское имя, а кроме того, слово rowan в переводе означает «рябина».